

УДК 808.26-541.2

А. Вадас-Возьны

ИНТЕНСИОНАЛЬНЫЕ И ЭКСТЕНСИОНАЛЬНЫЕ КОНТЕКСТЫ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Рассматриваются проблемы перевода в связи с разграничением двух видов языковых контекстов – интенциональных (контекстов мнения) и экстенциональных (именных). Доказывается необходимость учитывать при переводе материал, имеющий отношение к языковой форме, и материал текстовый, принадлежащий субстанции речи.

Начало разработки двух типов контекстов – *интенциональных* (ИК), образуемых глаголами мнения, представления, знания, и *экстенциональных* (ЭК), независимых от личности говорящего, было положено в аналитической философии У.О. Куайна [1, с. 275]. Идея разграничения экстенционала и интенционала достаточно известна в современной лингвистике. Экстенционал – «н о м и н а т и в н а я (разрядка наша – А. В.-В.) сторона языковой единицы», а интенционал – это «свойства, которые составляют содержание слова» [2, с. 607]. Экстенциональные контексты иначе называются *контекстами именными*, или *контекстами имени*. Соответственно интенциональные контексты определяются как *предикативные* или *контексты мнения*. Основанием (базой) наличия двух типов контекстов является существование *того, что есть на самом деле* и может получить номинативную фиксацию, и *всего, что кажется*, относительно чего допускается мнение. Интенциональные контексты – это контексты «по установлению», т.е. та область нашего речевого поведения, где значение в основном зависит от психологических установок говорящего, например, в выражениях «Знаю я вас!», «*Już ja was znam!*», «Что волки жадны – всякий знает», «*Głodnemi chleb na myśli*». Такая установка обязательно имеет отношение к *норме*. Именно норма – выдающееся изобретение человечества – служит основанием для *мнения* о правильном и неправильном, хорошем и плохом. На норме основываются многочисленные правила, сознательно регулирующие жизнь и поддерживающие в ней относительный порядок. Нормативная интенциональная установка иначе называется *мнением*: *Мне кажется это нормальным... Я считаю это нормальным... Он мне показался каким-то ненормальным* и т.п. Однако мнение – только альтернатива (другое) реальности, которая продолжает существовать независимо от наших представлений о норме с ее устоявшимися «надо», «правильно–неправильно» и т.д. Большое значение этой категории в языковом сознании и в языке подтверждается, например, валентными связями слова *мнение/opinia*: *1. mniemanie, osąd, przekonanie, pogląd: przychylna, utarta opinia, sprzeczne opinie, głosić, wypowiadać (śmiało, dziwne i t.p.) opinie, podzielać czyjąś opinię, polegać na czyjejś opinii, lansować, sondować, urabiać, wyrobić sobie, zmienić, zrewidować opinię o kims, czymś* и т.д. [3]. Валентные связи слова *мнение/opinia* раскрывают его общественную природу. Существуют различные трактовки категории мнения: философская, логическая, психолингвистическая. Для целей нашего исследования важно установить, что мнение – это общепринятые представления о действительности, которые объективируются в языковой форме. Мнению не присуща категория точности: выражение «*Мне кажется, ...*» можно толковать так: «Я точно не знаю, я не уверен, я лишь предполагаю и т.п.». На статус мнения в речи/тексте указывают вводные слова и

словосочетания, например: *конечно, думается, несомненно, можно предположить; wydawać się, oczywiście, myślę, że, niewątpliwie, można przypuszczać.*

Типичной коммуникативной ситуацией, в которой от собеседников высказывания ожидают выражения своего мнения, является ситуация диалога. Однако в коммуникативной ситуации высказывание мнения может быть и односторонним, например, когда корреспондент берет интервью, он употребляет языковые средства, стимулирующие собеседника высказать свое мнение: *Как вам кажется? Как вы думаете? Как вы считаете? Не кажется ли вам? Могу ли я узнать? Позвольте узнать... Меня интересует Ваше мнение; Jak się panu wydaje? Jak pan myśli? Jak pan uważa? Czy nie wydaje się panu? Czy mógłbym się dowiedzieć? Pozwoli pan, że zapytam..., Interesuje mnie pańskie zdanie...* Собеседник, отвечая корреспонденту, иногда лишний раз подчеркивает, что все, сказанное им, является его личным мнением и он не претендует на представителя какой-либо группы людей (например, *по-моему, я считаю; мне кажется; moim zdaniem; uważam, że; wydaje mi się*).

Мнение неотделимо от оценки, т.к. выражает отношение говорящего к предмету/ситуации. Будучи отношением, мнение всегда предстает как оценочное отношение. В логическом словаре оценка определена следующим образом: «Мнение о чем-либо, например, об объеме знаний и способностях ученика» [4, с. 426]. В общественном и индивидуальном сознании содержатся многообразные представления, образы действительности, которые отражают ее с разной степенью адекватности. Следует отметить, что в языковом сознании отражены не только правильные оценки и представления, но и ошибочные мнения. Приведем любопытный пример: надпись на транспаранте, который года два тому назад несла какая-то престарелая старушка во время антиабортного шествия в Варшаве: «*Mam prawo do bycia matką!*»

Все может стать предметом представления и оценки. Как правило, мнению подлежит поведение члена общества. Так, злободневной темой общественной жизни является пьянство. В русском языке встречаем основанные на мнении слова-оценки *алкаш, выпивала, пьяница* и др. для характеристики человека, злоупотребляющего спиртным. В польском языке таких людей называют: *alkoholik, bibuła, moczygęba, moczymorda, opilec, opój, pijak, pijanica, pijus, pijaczyna* и др. Когда говорят о пьяном человеке, употребляют также сравнения и метафоры, например: *pijany w sztok, w pestkę, pijany jak bela* (разг.), или следующие названия: *narąbany, zawiany, zaprószony, zaćmiony, pod gazem*.

Интенциональные контексты – контексты концептуализации действительности. Осуществляемая в интенциональных контекстах концептуализация действительности – результат ее кодирования определенным образом. Например, концепт «университет» кодируется у одного выпускника университета образом тяжелых дверей, которые надо открывать, у другого – видом длинного коридора, у третьего – образом аудитории, где проходило большинство лекций. Концептуализовать действительность – значит показать ее как систему представлений, обозначить. «*Концепт рождается как образ, но, явившись в сознании человека, этот образ способен продвигаться по ступеням обобщенности. С увеличением степени обобщенности концепт постепенно преобразовывается из чувственного образа в собственно мыслительный. Вместе с тем общеизвестный факт, что любой концепт надо объяснять на примере, который свидетельствует об образной природе любого концепта*» [5, с. 53].

Существование экстенциональных (именных) контекстов объясняется тем, что мнение дает видение (осознание) мира – языковую картину мира. Экстенциональные акты восприятия (улавливания, «схватывания», *категоризации*) реальности, известные как акты категоризации, противопоставляются интенциональным механизмам отражения и *концептуализации* действительности. В истории языкознания В. фон

Гумбольдт высказал мысль, что слово не есть представитель реалии, но и выражение собственного нашего взгляда на нее. Экстенциональные контексты – контексты впечатления. Большое количество названий одного и того же референта (единичного или собирательного) возможно потому, что каждый референт обладает целым набором категориально релевантных признаков, любой из которых может б р о с и т ь с я в глаза и презентировать референт. Причем разные названия не выступают как синонимы, а являются д у б л е т н ы м и названиями одного и того же, своего рода вариациями на одну и ту же тему, сохраняя тождество референта. Д.Н. Шмелев по этому поводу заметил: «Необходимо со всей решительностью возразить против смешивания двух совершенно разных по характеру явлений: близости значений разных слов и способности языковых единиц называть одни и те же объекты» [6, с. 48]. Понятие «одно» для экстенциональных контекстов является таким же фундаментальным, как для интенциональных концепт «другое».

Будучи контекстами мышления, экстенциональные контексты сохраняют интернациональный смысл, являются хранителями фонда человеческих мыслей. О наднациональности смысла и «едином фонде мыслей» писал Г. Фреге: «В наше время люди склонны преувеличивать утверждение, что разные языковые выражения никогда не являются целиком эквивалентными, что слово никогда не может быть точно переведено на иностранный язык... Я хотел бы подчеркнуть, что разные выражения очень часто имеют нечто единое, что я называю смыслом или, вообще в ситуации с предложением – мыслью. Иначе говоря, мы должны признать, что тот же самый смысл, та же самая мысль могут быть по-разному выражены. При всем многообразии языков человечество имеет единый фонд мыслей. Если б любая модификация выражения запрещалась, потому что якобы влечет изменение смысла, модальная логика была б парализована; потому что задача такой логики вряд ли может быть реализована, если не допустить возможности распознавания той же самой мысли под разными масками» [7, с. 147].

Приведем некоторые образцы именных (экстенциональных) контекстов в русском и польском языках:

1. Инструкции. *Таблетки глотаются целиком, при необходимости запивая водой. При желании таблетку можно разломать наполовину или прежде растереть; W celu uzyskania zawiesiny należy zawartość każdej saşetki rozpuścić w pół szklanki przegotowanej wody* (инструкции по медицинскому применению препарата).

2. Поучения. *Оценка за экзамен ставится в ведомость и вписывается в зачетную книжку студента (Из положения о приёме экзаменов и зачетов). P O U C Z E N I E. W oświadczeniu należy uwzględnić dochody członków rodziny /uprawnionego, jego małżonka i dzieci, pozostających we wspólnym gospodarstwie.*

3. Афоризмы. *Кто не работает, тот не ест. Хочешь мира, готовься к войне. Где нет умысла, нет и вины. Разрешено все, что не запрещено. Nie po drodze nam. Biednemu zawsze wiatr w oczy* (как экзотично звучит испанское соответствие *al pobre, el sol se lo come* – вольный перевод: бедного и солнце не щадит, т.е. для него ветер – спасение). *Uderz w stół, nożyce się odezwą. W cudzym oku źdźbło, a w swoim belki nie widzi. Im dalej w las, tym więcej drzew. Gdzie drwa rąbią, tam wióry lecą.*

4. Протокольные записи. *На месте происшествия, в 73 см от юго-западного угла комнаты и в 104 см от трубы батареи парового отопления на полу обнаружена стреляная гильза. Гильза металлическая, зеленовато-желтого цвета, бутылочной формы. Размеры гильзы: длина – 24,6 мм, внутренний диаметр дульца – 7,8 мм, диаметр корпуса – 9 мм, диаметр шляпки – 9,5 мм. На дульце гильзы расположены через 120° три точечные вмятины для крепления пули в гильзе. Корпус гильзы у шляпки имеет кольцевую проточку...» (Протокол осмотра гильзы. Фрагмент). *Dot Orpiki**

Spolecznej Arka w X prowadzony jest przez Parafię Prawosławną Wniebowstąpienia Pańskiego w X. Dyrektorem Domu jest ks. XX – proboszcz parafii prawosławnej w X. Placówka mieści się w budynku dwukondygnacyjnym, bez windy, mimo że pokoje mieszkalne usytuowane są również na pierwszym piętrze. Przy wejściu głównym do budynku wykonano podjazd dla niepełnosprawnych. Z wyjaśnień Dyrektora Domu wynika, że poręcze na podjeździe zostaną zamontowane w najbliższych dniach. (Protokół oględzin domu opieki społecznej. Fragment).

5. Призывы. *Поэты, менестрели, барды, несите доллары в ломбарды! Вырвем зуб любому волку, остальные хоть на полку! Войско, в качестве доплаты в лом сдавайте ваши латы! Не суйте в монитор ножи, давайте КЛИКАМИ дружить! До dzieła! Pomóżecie? – Pomożemy! Legia gola! Polska góra! Tysiąc szkół na 1000-lecie!*

6. Формулы этикета: *Добрый день! Благодарю! Очень приятно! Miło mi znowu pana widzieć. Jestem niezmiernie zobowiązany. Proszę na mnie liczyć.*

7. Признание в любви: *Я люблю тебя. Kocham tylko ciebie.*

8. Прославление: *Молодец! После второго места рисковал. Если не первое, значит проигрешь! ... Вот молодец! В точку все сказала. Полностью поддерживаю! Zrobisz mi drugie śniadanie, aniołku? Moja mała gospodynia.*

Подобные выражения являются операционными (прагматическими); их назначение – проникать действительность разумом, оберегать, налаживать контакт, фиксировать, замечать и т.п.

Всякое слово или выражение можно отнести (включить) в интенциональный или экстенциональный контекст. Сравним *пьяницу* с *убийцей*. Интенциональный элемент – здесь только *пьяница*. *Убийца* – не просто слово, а номинативная единица (выражение), юридический термин, отсылающий нас к «делу» и установленному факту. Называя кого-то убийцей, мы не только говорим, мы свидетельствуем. *Убийца* – это *свидетельство* (номинация), связанное с законом и мерой. Произнося «убийца», мы как бы проходим по делу свидетелями. Юридическая перспектива убийства – дело, тюрьма. Данный термин принадлежит к юридически маркированным текстам, являясь его структурным составляющим.

Характеристика *пьяница* – это отраженное общественное оценочное м н е н и е, однословно представленное в языке. Непосредственного отношения к закону и мере пьянство не имеет. Данное антисоциальное явление относится к сфере норм и правил (*трезвость – норма жизни*). В то же время *алкоголик* – это уже не мнение, а ориентированный на точный медицинский диагноз.

Всегда можно поставить вопросы: что перед нами и с чем мы имеем дело – с *концептуальным элементом языка*, относящимся к интенциональным контекстам, или *категориальной единицей речи*, принадлежащей к контекстам экстенциональным (именным). Необходимо признать факт существования категориально ориентированных единиц и утверждать наличие в языке альтернативного (другого) плана – концептуально направленных элементов. Категориальные единицы закрепляются («приклеиваются» подобно ярлыкам) к реалиям, а концептуальные элементы устойчиво ассоциируются с образами-представлениями действительности в языковом сознании. Сопоставим синтагмы-словосочетания *белый снег* и *мягкий снег*. Первая синтагма является объективно-описательной – это дескрипция. Для того, чтобы назвать снег *белым*, необходимо заметить его качество – белизну, которая является таким же неотъемлемым модусом для снега, как *черный* цвет для сажи, *зеленый* – для зелья и т.п. *Белый* – интегральный признак. Называя снег *белым*, мы имеем возможность созерцать разные модификации отмеченного цвета: *белый с голубоватым оттенком, серо-белый* и т.п. Цвет пластически переливается, калейдоскопически играет бесчисленными оттенками, контрастирующими на том или ином фоне. Радикально контрастирует признак *белый* с призна-

ком *черный* (ср.: контраст света и тьмы). Белое воспринимается на фоне черного и наоборот. Прилагательное *белый* приходит в связь с экстенциональной категорией меры («более-менее»). Можно отмечать меру насыщенности белизной (рус. *белый до синевы, ослепительно белый, беловатый*; польск. *biały jak płótno, śnieżnobiały, bielutki, białawy*). Существенным является то, что признак белый имеет не относительный, а абсолютный характер. Снег белый не «для нас», не «как таковой»; снег белый, взятый сам по себе, «в себе», независимо от нас (ср.: *абсолютно белый*)¹. Безотносительность (абсолютность) только другое имя для качества. В этом проявляется категориальность качественного признака. Свидетельством категориальной сущности признака *белый* является его способность участвовать в процедурах категоризации. Отмеченный признак имеет широкий выход в номинативную область языков.

В речи прилагательное белый проявляет свою субстанциальную сущность, например: девушка в белом; ход белых; белые (раса); белые (белогвардейцы); *białe rączki, panna w bieli, białośnieżne pranie*. Выделяются реальные категории-классы, маркированные отмеченным признаком: белый гриб, белый медведь, белая акация, белая горячка, белокочанная капуста, белое мясо, белый песок, белокопытник, белоглазка, белорыбца, белокровие и т.п. Широко представлен признак белый в индивидуальных дескрипциях: *Белая церковь, Белгород, Białystok, Biała Podlaska* и т.п. Многие дескрипции с прилагательным белый обладают терминологическим статусом: белый стих, белый уголь, белый шоколад, белые ночи, белый хлеб, белое железо, белое вино и т.п. Широко употребляется прилагательное белый для наименования социальных категорий: *белобилетник, белошвейка, белодеревец, белополяки, белогвардейцы, белоэмигрант* и т.п. Существенным является идеологическое звучание прилагательного белый: *белая армия, белая гвардия, белый террор, белое духовенство, белая банда, белая кость, белоподкладочник* и т.п.

В отмеченном и подобном употреблении прилагательное белый обнаруживает способность к с и м в о л и з а ц и и. Так, если *белый шоколад* р е а л ь н о является белым, то дескрипция *белый гриб* уже символическая. Известно, что на самом деле белый гриб не является белым по цвету: у него коричневая головка и т.п. Белый цвет символизирует незапятнанность (белая фата невесты). Ср. также *białe karty w życiorysie/historii* – неизвестные, незаполненные фактами, скрытые: *dla mnie i dla moich kolegów lata osiemdziesiąte to «biała karta»* (Jarosław Kapsa). Нельзя не отметить поэтические потенции прилагательного белый: *белая лебедь, белый свет, белопенный*.

Основной признак экстенциональных контекстов – замена равных – проявляется в перифразе с прилагательным белый: *белые мухи* – порхающие снежинки ранней зимы; *до белых мух* – до выпадения снега, до заморозков. Перифраза – прием интерпретирующей категоризации реальности.

Отмеченные потенции прилагательного белый являются неоспоримыми свидетельствами его принадлежности к экстенциональным (именным) контекстам, в которых он является в двух «ипостасях»: реальной (белый снег) и фигуральной (символической, деэтимологизированной) – *белорус*.

Признак мягкий в словосочетании мягкий снег обозначает субъективное чувство, на основании которого снегу приписывается свойство – *мягкость*. Прилагательные типа мягкий, холодный соответствуют тому, что к а ж е т с я. (Ср.: сказка «Принцесса на горошине», повесть Ю. Бондарева «Горячий снег»).

---

¹ Более 100 названий снега у эскимосов свидетельствует о мере исследовательского эмпирического проникновения в обычную для них реальность, а также о необходимости назвать то, что непосвященное большинство других народностей просто не замечает.

Будучи с е м а н т и ч е с к и м, признак мягкий является релевантным для компонентного анализа своего з н а ч е н и я. Элементами лексико-семантических полей выступают не лексемы, а к о н ц е п т е м ы. Разные концептемы, входящие в одну лексему, обычно входят в разные лексико-семантические поля. Точно так же объектами компонентного (семного) анализа выступают не значения лексем, а значения концептемов.

Переводятся с языка на язык по сути не лексемы, а концептемы. Так, русская лексема мягкий включает в свой состав концептемы:

- 1) «легко поддающийся при надавливании, приятный при прикосновении»;
- 2) «легко поддающийся сжатию, давлению»;
- 3) «приятный для глаза, слуха, не раздражающий, не резкий»;
- 4) «не имеющий четких, определенных границ»;
- 5) «кроткий, уступчивый»;
- 6) «нестрогий, снисходительный»;
- 7) «теплый, не суровый»;
- 8) «слабый, неуверенный в себе».

Поэтому она не может быть прямо соотнесена с какой-то английской лексемой. Переводчику приходится искать соответствия на уровне концептемов, перебирая между *soft (bed, sound, water, palate, weather, winter, light, heart)*, *mild (winter, climate, weather, disposition)*, *gentle (movement, disposition)*, *fresh (bread)*, *upholstered (carriage, furniture)*, *easy (chair)*, *open (weather)*, *mellow (weather, sound)*, *shaded (light)*, *smooth (movement)*. В польском языке придется искать иное соответствие для случаев 3) (*mięka muzyka, subtelne kolory, spokojne dźwięki*) и 4) (*niewyraźna/rozmyta granica/przejsie kolorów i kształtów*).

Концептуальные признаки имеют относительный характер – вступают в о п п о з и т и в н ы е системные отношения: *мягкий – твердый* и т.д. Такие признаки характеризуются интенциональным показателем – степенью. В отличие от меры, степень – категория грамматическая (формальная). Прескриптивные прилагательные, обозначающие относительный признак, имеют своим основанием представление о норме (ср.: представление о *нормальной* температуре, *нормальных* отношениях, *нормальном* состоянии здоровья).

Элементы интенциональных контекстов являются семантически п р о и з в о д н ы м и. Так, слова *врач* и *больной* можно описывать как семантические производные от *лечить*, а слова *преподаватель* и *студент* – как семантические производные от *преподавать* и т.п. Использование производного слова основывается на в ы б о р е из ряда альтернатив – *врач: или терапевт, или хирург, или...* Элементы этого ряда взаимоисключают друг друга: внутри рода при помощи исключающей дизъюнкции выделяются виды. Дизъюнкция же неотделима от выбора. Так, предложение «*В аудиторию вошел преподаватель*» может имплицировать дизъюнкцию предложений «*В аудиторию вошел историк*», «*В аудиторию вошел физик*» и т.д. (Под «дизъюнкцией» в этом контексте имеется в виду в ы б о р из некоторого множества альтернатив какой-либо одной: если *p* имплицировывает дизъюнкцию *g, r* и *s*, то *p* имплицировывает либо *g*, либо *r*, либо *s*).

Вариативность концептуальных элементов связана с явлением гипонимии и с гипонимической парадигматикой. Принцип гипонимии позволяет, в зависимости от обстоятельств, выбирать более общие или более специфические слова, и это удобно для общения. Во всех случаях концептуально употребленное имя – один из вариантов, всегда альтернант, в отличие от референтного имени.

Экстенциональные единицы комбинируются в известные структуры – тематические группы. Их операционно-прагматическое назначение – информационно-смысловое членение реальности.

Особенность вариативности категориальных единиц экстенциональных контекстов диктуется основным принципом теории имени – принципом взаимозаменяемости.

В языковом выражении одно имя или именное выражение можно заменить другим, если оба они соотносятся с одним и тем же референтом, например: *Утренняя звезда* и *Венера*. Это свойство имен в лингвистике называется референциальным тождеством, или кореферентностью.

Итак, категориальные признаки закрепляются за фрагментами реальности, помогая человеку ориентироваться в мире; концептуальные признаки формируют образ, который становится концептом, придают всему форму и устойчивое определение.

Антитеза «концепт – категория» связана с фундаментальным противопоставлением семантической и прагматической области языка/речи. Взаимодействие и связь между семантикой и прагматикой² наблюдается, например, в возможности концептуальных признаков приобретать категориальные потенции (например: *мягкий вагон*, *мягкая вода*, *мягкая мебель*, *Мяжков* (фамилия), *ленивец* – животное) и, наоборот, в переходе номинации в характеристику (ср.: «говорящие» фамилии: *Тяпкин-Ляпкин*, унтер *Пришибеев*, *śłoń Trąbalski*, *Waligóra i Wyrwidąb* и т.д.).³ Наличие таких переходных случаев не отрицает факт антитезы в языке концептов и категорий.

Верным критерием отграничения экстенциональных (иначе текстопорождающих единиц) является факт, что они связаны с *еще неизвестным, не открытым*. Выражение «*Ничто не ново под луной*» (*Nic nowego pod słońcem*) в полной мере справедливо к единицам экстенциональной (номинативной) сферы. В экстенциональном (по сути эволюционном, номинативном) контексте нет ничего нового, есть еще не открытое, неизвестное человеку. Поворот на 180° происходит в противоположном интенциональном контексте. Здесь сразу появляется *новый человек, новые люди* (например, у Чернышевского). Эти люди строят *новый мир*.

В процессе порождения текста и речи мы диагностируем: подходит то или иное выражение, уместно ли оно здесь, в данной речевой ситуации, «то» или «не то», *pasuje (jest właściwe) odpowiednie* и т.п. Поэтому речь – категория этическая. В речи главное – смысл, мысль, которая должна прозвучать. Потому здесь не отражается картина мира, а проявляется его архитектоника (т о н ы, полутоны и обертоны), структуры смысла. Речь здесь идет не столько о норме, сколько об этических составляющих – насколько речь подходит к известной ситуации. Нет (не)соответствующего выражения – есть (не) *подходящее выражение*. То или иное выражение подходит к данному периоду – текущему промежутку времени, в который происходит (презентируется) речь. К другому периоду (ситуации речи) оно уже может не подходить.

Слово – альтернатива действительности. «Сказанное о...» – наша рефлексия (образ) мира. Говорящий, строя коммуникативную стратегию, в ы б и р а е т (или не выбирает) слова. Такой выбор обусловлен внешними факторами. Иное дело речь: оратор и щ е т подходящие к ситуации выражения, например: *Пасмурно, мутными глазами глядела на всех Катерина и не находила речи* (Гоголь). Следует отметить, что в повседневной речи мы не особенно затрудняем себя творческим поиском наиболее точных и адекватных выражений. Зачем искать, если есть уже созданные –

---

² Bożena Tokarz rozumie pragmatyzm jako cel podejmowania działania przez tłumacza, praktyczne połączenie myślenia i działania, czego rezultatem jest przekład. (B. Tokarz, *Polityka a przekład*. Pod red P. Fasta, Katowice 1996, Wyd. «Śląsk», S.19–27.)

³ Описывая принципы функционального перевода (представитель Е.А. Нида), К. Хейвовски писал: «... *Tłumacz dążący do ekwiwalencji dynamicznej ma na celu całkowitą naturalność wypowiedzi i stara się konfrontować odbiorcę z zachowaniami mającymi znaczenie w kontekście jego własnej kultury, nie zmusza go natomiast do tego, by rozumiał wzorce kulturowe z kontekstu kultury języka wyjściowego*. (K. Hejwowski, *Mit tłumaczenia funkcjonalnego: «Czy wilk może być lampartem?»* // *Kognitywno-komunikacyjna teoria przekładu. Przekład. Mity i rzeczywistość*, Warszawa 2004, Wyd. Naukowe PWN. – S. 38–47).

закрепившиеся прецедентные выражения. Человек подобен громофону, репродуцирующему то, что уже было создано и написано до него.

Речь (и ее составляющие) предусматривает не знание, а компетенцию (грамотность) как говорящего, так и слушателя. Именно с речевой компетенцией связана герменевтика – наука о понимании и интерпретации речи. Разные речевые ситуации предусматривают наличие у участников – продуцентов и реципиентов – так называемых «фоновых знаний». Разный уровень культурной компетенции носителей языка, несмотря на существование единого интернационального культурного достояния человечества, ставит смысловые барьеры в межкультурных контактах носителей разных социумов [8].

Для подтверждения сказанного приведем в качестве примера четверостишие, относящееся к области так называемой «лингвистики каждого дня»:

*Aby w czystych pić szklanicach
Stosuj sposób imć Kmicica:
Szklanę za się wyrzuć bracie,
Albo umyj – po herbacie!!!*

Начинающие изучать польский язык сталкиваются здесь с проблемой культурной компетенции⁴. Кто такой «imć Kmicica»? Да и коннотация выражения «po herbacie» в польском языке явно не эквивалентна русскому «после чая» (ср.: *teraz to już po herbacie, trzeba było o tym pomyśleć wcześniej*).

Центральным моментом разграничения двух контекстов, с нашей точки зрения, является идея *альтернативности* (производной вторичности) интенционального контекста. Сознательный человек всему создал альтернативу: *горе и беда, смотреть и видеть, около и рядом, мера и норма, версия и вариант, балл и оценка, мой и свой* и т.д. Категории могут быть верифицированы как истинные; коммуникативные и относительные концепты соответствуют тому, что *каждется* правдой.

Идея изучения переводческой деятельности в связи с разграничением экстенциональных и интенциональных контекстов является новой для современной теории перевода. Между тем, вне всякого сомнения, названная идея может стать необычайно плодотворной и имеет несомненную научную перспективу. Она позволяет избежать многих заблуждений, в которые так или иначе впадают те, кто занимается текстом и его переводом. Какой бы языковой факт или речевое проявление мы ни взяли для анализа или рассмотрения, они непременно принадлежат/относятся к одному из названных контекстов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ярцева, В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь / В.Н. Ярцева. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.

⁴ /.../ w dzisiejszym świecie spotykamy coraz mniej ludzi, których można określić mianem absolutnie monolingwalnych czy też absolutnie jednokulturowych. Czy tego chcemy czy nie, globalizacja przekształca nas powoli w obywateli świata, mieszkańców globalnej wioski. /.../ W przypadku istotnych różnic między kulturami i językami zadziała zdolność do empatii oraz elastyczność naszego umysłu: wraz z autorami science fiction potrafimy przecież odwiedzać inne światy, w jakimś stopniu „rozumujemy” nawet Azteków – cywilizację, która powstała w całkowitej izolacji od świata europejskiego, kulturę radykalnie odmienną od śródziemnomorskiej. Inna sprawa, że nasze rozumienie innych światów i innych istot zawsze opiera się na naszym własnym doświadczeniu i znajomości własnej kultury /.../ mówiąc potocznie, zwykle mierzymy innych własną miarą. (K. Hejnowski, *Kognitywno-komunikacyjna teoria przekładu. Przekład. Mity i rzeczywistość*. – Warszawa, 2004. – Wyd. Naukowe PWN. – S. 15).

2. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова; 2-е изд., стер. – М. : Сов. энциклопедия, 1969. – 607 с.
3. Учебный словарь сочетаемости слов русского языка. – М. : Наука, 1978. – С. 284–285; Słownik Języka Polskiego. T. 2 : L–P. – Warszawa, 1984. – 527 s.
4. Кондаков, Н.И. Логический словарь-справочник / Н.И. Кондаков. – М. : Наука.– 1976. – 726 с.
5. Попова, З.Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 1999. – 53 с.
6. Шмелев, Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка / Д.Н. Шмелев. – М. : Просвещение, 1964. – 448 с.
7. Павиленис, Р.И. Проблема смысла: современный логикофилософский анализ языка / Р.И. Павиленис. – М. : Мысль, 1983. – 347 с.
8. Ricoeur, P. O tłumaczeniu / P. Ricoeur, P. Torop. – Gdańsk : wyd. Uniwersytetu Gdańskiego, 2008. – 327 s.
9. Петрачкова, І.М. Жанраўтваральная роля онімаў у гістарычных аповесцях К. Тарасава / І.М. Петрачкова // Известия Гомель. гос. ун-та. – 2002. – № 1 (10). – С. 122–124.
10. Мезенка, Г.М. Беларуская анамастыка : навуч. дапам. для студ. ун-таў / Г.М. Мезенка. – Мінск : Выш. школа, 1997. – 119 с.

Hanna Wadas-Wozny. Intensional and Extensional Context in Translation

The idea of distinguishing the intensional and extensional contexts is a relatively new approach in the study of translation as a kind of activity. Without doubt, this idea has great perspective: its achievements should prevent mistakes and enable making correct decisions in translating.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 28.07.2010